

ДРУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Д М И Т Р И Й
З А Х А Р О В

ДЕВОЧКА, РИСУЮЩАЯ СМЕРТЬ

Русский детектив

Дмитрий Захаров

Девочка, рисующая смерть

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Захаров Д. А.

Девочка, рисующая смерть / Д. А. Захаров — «Центрполиграф»,
2021 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-09637-1

Мир компьютерных игр так увлекателен, и новинки – одна лучше другой. Нужно, не мешкая, успеть скачать самую свежую игру на свой смартфон, особенно если модная новинка предлагает пощекотать нервы, указав дату смерти игрока!.. Мало кто соотнес растущую популярность игры с увеличившимся количеством самоубийств полных сил благополучных молодых людей – реальность и виртуальный мир ведь не пересекаются? Но бывший сотрудник спецслужб Сергей Авдеев не раз сталкивался с ситуациями на грани реальности. Не все просто с этой новомодной забавой, следы которой ведут к руководству уважаемой фирмы, и не привыкший мучиться неизвестностью Авдеев собирается расставить все по местам в этом запутанном деле.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09637-1

© Захаров Д. А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Он видит...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Захаров

Девочка, рисующая смерть

© Д.А. Захаров, 2021

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Мертвенно-бледный экран ноутбука светился во тьме комнаты призрачным голубоватым пятном. Юноша склонился над ним, пальцы пробежали по клавиатуре, он немного помедлил и нажал клавишу Enter. Потекли томительные минуты ожидания, за окном шелестел унылый дождь, ночную тишину нарушал гул пролетающих вдалеке автомобилей. Молодой человек вздрогнул, оглянулся. В темном углу мерцали красные огоньки роутера. Из спальни слышался громкий храп; отец, как обычно, влил в себя за ужином приличную порцию бочкового виски марки Glen Scotia. По шестнадцать тысяч за бутылку. Юноша стиснул зубы. Когда он злился, становился похож на своего отца – так говорила ему мать, а быть похожим на этого человека он хотел меньше всего. Они жили вдвоем с матерью на ее зарплату школьной учительницы, от отца перепадали жалкие копейки: как говорил отец, все было вложено в растущий бизнес.

Мелодично пропели динамики ноутбука, возвещая о поступившем сообщении.

Дождь стих. Светящийся в правом углу экрана таймер показывал время. 03.24. Следующие пять минут молодой человек посвятил чистке истории процессора, затем подошел к окну. След от его дыхания испарялся на стекле, громко стучало сердце, кровь пульсировала в ушах. Он потянул задвижку, распахнул окно; свежий воздух ворвался в комнату, ветер принес прохладу с Финского залива. Высотный дом на Крестовском острове, стоящий на берегу Гребного канала, выходил на западный скоростной диаметр, опоясывающий город, как обручальное кольцо. Вдалеке светились огни рейсового парома, следующего курсом из Санкт-Петербурга в Хельсинки, а оттуда в Стокгольм и обратно. С высоты четырнадцатого этажа асфальт казался тусклым блестящим пятном. Молодой человек глубоко вздохнул, считая удары своего сердца. Досчитал до семидесяти шести и сбился, начал снова. Под его глазами темнели мешки – результат хронического недосыпания, кожу на лице покрывали мелкие розовые прыщики – следствие питания в «Макдоналдсе» и «Сабвее».

– Он видит... – прошептал молодой человек.

Руку, сжимающую оконную раму, свела судорога.

Мост, простирающий свои длинные руки над устьем Финского залива, напоминал какое-то гигантское насекомое, протянувшее щупальца к противоположному берегу. Таких чудовищ рисуют иллюстраторы на обложках романов в жанре фэнтези. Юноша внимательно смотрел вдаль, словно мог что-то разглядеть за пеленой густого мрака ненастной ночи. 03.45.

Мочевой пузырь после пятидесяти лет работает лучше будильника. Мужчина заворчал, надеясь урвать несколько драгоценных минут сна у ускользающей ночи. Бесполезно. Низ живота словно свинцом налился. Он поднял с кровати сто десять кило своего веса, боль резанула в тазобедренном суставе.

– Гребаный артроз! – проворчал мужчина хрипло. – Гребаные врачи!

Рассвет был хмурым и серым, свет вливался в комнату через неплотно опущенные жалюзи. Он направился в туалет, шаркая по полу босыми ступнями, припадая на больную ногу и недоумевая царящему в просторной квартире холоду. Проходя мимо комнаты сына, увидел распахнутое окно и не удивился. Эгоист и лоботряс. Он такой же неудачник, как его мамаша! Природа отдыхает на детях великих людей. Привыкли получать все на блюдечке с голубой каемочкой!

– Никита! – прокричал он в комнату. – Черт тебя раздери! Ты на кой черт окно оставил открытым?!

Сын жил у него вторую неделю и уже успел прилично надоесть. Днями сидел, уткнувшись в экран ноутбука, накинув капюшон синей толстовки, словно у него мерзла голова. Хлопот от такого соседства было предостаточно: первым делом ушла Машка – бывшая танцовщица не пожелала мириться с присутствием мрачного парня в квартире. Она так и сказала. Живи сам со своим «человеком дождя», если так хочется! Мужчина не ожидал от бывшей стриптизерши такой просвещенности, – герой упомянутого ею фильма был одаренным аутистом. Но если честно, Маша была недалеко от истины. Парень был с приветом и не проявлял должного уважения к отцу, к его связям и деньгам. Разговаривал сквозь зубы, избегал смотреть в глаза, а однажды, глядя куда-то вбок, процедил сквозь зубы:

– Вас, тех, кто обогатился в девяностые годы, надо судить!

Отец задохнулся от ярости, но пацан накинул капюшон на голову, ушел в свою комнату, целкнул замок. Встретился бы ему такой щегол в те самые девяностые годы!

– Никита!

Мужчина шел по комнате, ежась от ледяного ветра. Под компьютерным столом сиротливо лежали шлепанцы. Испытывая недобрые предчувствия, он приблизился к открытому окну. Кровь ударила в лицо, как умелый боксер, ноги тут же ослабли, огненный жгут опоясал грудь. Далеко внизу темнела крохотная фигурка в синей толстовке с жирной надписью Nice на спине. Человек прильнул к асфальту, словно намереваясь перед смертью обнять земной шар, капюшон заботливо прикрывал его затылок. Мужчина захотел крикнуть, но голос подвел его. Горячая струйка мочи оросила бедра.

– Никита... – хрипло прошептал он и осел на пол.

Он видит...

1

Чистые листы бумаги лежали ровной стопкой в углу стола. Перед ними в хаотичном беспорядке были раскиданы разноцветные фломастеры, стоял стаканчик с остро отточенными карандашами, пепельно-синие мелки были сложены в маленьком пластиковом ящичке. Снятый с красного фломастера колпачок прокатился по столешнице, некоторое время балансировал на краю и с тихим стуком упал на пол. Девочка не обратила на него внимания, увлеченная рисованием. В настоящий момент она закончила карандашный набросок и подушечкой безымянного пальца растирала изображение. Русая челка упала на лоб, на верхней губе выступили капли пота.

Хлопнула дверь, из столовой прилетел запах тушеных овощей.

– Ангелина, пора обедать!

Симпатичная женщина в белом халате тронула девочку за плечи. Она мельком взглянула на рисунок, улыбка спала, румянец на щеках поблек. К этому трудно было привыкнуть! На форматном листе нелинованной бумаги была нарисована молодая шатенка, обнимающая за плечо худенькую девочку.

– Ты мне льстишь, Анечка! – улыбнулась воспитательница.

– Почему? – Девочка подняла на женщину свои удивительно синие глаза, цвета бездонного неба, каким оно бывает в северных широтах на исходе жаркого июля. – Почему, Надежда Петровна?

– На твоём рисунке мне лет тридцать!

– А вам сколько лет?

– Сорок два, Ангелина! – Воспитательница подавила невольный вздох, украдкой посмотрела в висящее на стене круглое зеркало. Там отразилась симпатичная женщина с мягкими чертами лица, полными губами, накрашенными розовой помадой. Она машинально поправила скрученные на затылке в тугую узел волосы.

– Сорок два – это столько? – Ангелина четырежды сомкнула и разомкнула маленькие ладошки, испачканные мелками и желтым фломастером.

– Чуть больше! – Воспитательница взяла девичью ладошку и смастерила из двух пальцев подобие знака «виктория».

Ангелина рассмеялась, обнажив темную прореху на месте левого клыка. В семь лет у нее начали выпадать молочные зубы, но хорошенькую синеглазую девочку, словно сошедшую с пасхальной открытки, это обстоятельство не портило.

– Под руками чернозем, Ангелина – агроном! – шутливо нахмурилась воспитательница. – А ну, шагом марш руки мыть, и пора обедать!

Девочка посмотрела на незаконченный рисунок, шумно вздохнула, как иногда делают избалованные дети, демонстрируя непонятливым взрослым важность своих дел, и выбежала в коридор. Хлопнула оконная створка, сквозняк смел на пол бумажные листы. В комнату ворвался гомон улицы, шемяще-сладкий аромат цветущей черемухи. Весна пришла в этом году крадучись, осторожно, как начинающий воришка проникает в пустую квартиру. На прошлой неделе шел мокрый снег с дождем, а по ночам завывал ледяной ветер, словно оголодавший за долгую зиму волк, а с понедельника температура выросла до восемнадцати градусов. Восточное крыло здания детского дома купалось в солнечных лучах до полудня, к обеду подкрадывалась тень, черная и безмолвная. Двадцать лет назад мрачноватое строение тридцатых

годов двадцатого века, впитавшее элементы стиля конструктивизм, было отреставрировано. Квадратный фасад покрасили в нейтральный синий цвет, в окна поставили стеклопакеты, но общая картина угрюмого, приземистого строения поменялась мало. Кировский район Петербурга в области Нарвских ворот – место малопривлекательное: узкие улочки, черные ленты домов, изогнувшиеся, как старая змея, теряющая кожу; депрессивную картину скрашивало обилие зелени и парк, простирающийся вдоль проспекта Газа.

Воспитательница подошла к окну, прикрыла створку, повернула ручку, шум улицы стих. Она подобрала упавшие листы. Стыдно признаться, но дарования девочки пробуждали у нее тревогу. Рисовала Ангелина старательно, с каллиграфической точностью воспроизводя детали обстановки. Обычно рисунки отражали обыденные события детского дома. Занятия на уроках, завтрак, обед, полдник. Игры с подругами. Один лист лежал лицевой стороной. Поверх безупречно белой поверхности проходил извилистый ярко-красный зигзаг, в левом нижнем углу неуверенные детские пальцы вывели предложение: «Он видит вас...» И кривая запятая над верхней перекладиной схематично начертанного креста. Абстракция. Авангард. Дети так не рисуют. Но смутило воспитательницу другое обстоятельство: красная молния-зигзаг пронизывала лежащую ничком фигуру человека.

В коридоре что-то упало, послышался звон разбитого стекла. Солнце скрылось за тучей, в комнате потемнело. Воспитательница аккуратно сложила листок, спрятала его в папку. Она сегодня же покажет рисунок детскому психологу! Притворив дверь, она вышла в коридор, обнаружив лежащий на полу плакат и треснувшее по диагонали стекло. Девочки оживленно обсуждали происшествие.

– Надежда Петровна! Оно само упало! – выступила вперед смуглая девочка. Она смущенно опустила черноволосую голову, но в темных глазах играли искорки озорства.

– Конечно! И мусор исчезнет сам по себе, так ведь, Фарида?

– Мы уберем... – легко согласилась девочка.

– Обязательно уберете, но после обеда! И сегодня же останетесь помогать дежурным с уборкой! Все четверо! А сейчас живо в столовую!

Девочки убежали по коридору, Фарида звучно шлепнула подружку по спине. Зазвонил смартфон, воспитательница достала гаджет из кармана халата.

– Да, мама...

Следующие десять минут она выслушивала жалобы на погоду, высокое давление, правительство страны и такую отвратительную штуку, как старость.

– Ты тоже скоро состаришься, Надюша! – с каким-то затаенным торжеством сообщила пожилая женщина. – И останешься одна на всем белом свете, без мужа, без детей...

Это повторялось с удручающей однообразностью в ежедневных монологах, смысл речей сводился к обвинениям и предсказанием грядущих страданий, которые ее дочь заслужила своей неправильной жизнью. В чем именно заключалась эта самая «неправильность», не объяснялось. Сама поймешь! А не поймешь – тебе же хуже! Надежда молча слушала, не перебивая, чем еще больше распаляла свою мать.

– Трудно стариться одной, дочка! – Когда мать начинала обличать свою неправильную дочь, звук ее голоса становился тревожно-шипящим. Словно змея, готовящаяся укусить. – У тебя климакс уже наступил?

Надежда Петровна до боли закусила губу. На необходимости прервать беременность настояла мать. Она заставила ее отправиться на УЗИ, услышать сердцебиение плода, как музыкальный молоточек, стучащий часто и суетливо, а после всего мать привела десяток аргументов, почему нельзя рожать от наркомана.

– Статистику не обманешь, Надя! – говорила она тогда, а в ее некогда удивительно красивых и выразительных глазах, поблекших с возрастом, змеилось торжество. – В девяноста

процентах случаев порочная зависимость наследуется. От осины не родятся апельсины, слышала такую поговорку?

Ей было страшно и одиноко в то время. Любовь не выбирает, сказал кто-то из великих. Она влюбилась в красивого парня. Все в нем было безупречно: смоляные волосы с налетом ранней седины, карие мечтательные глаза, белозубая улыбка. Два месяца летнего романа были похожи на красивый музыкальный клип. Даже погода хмурого Питера благоприятствовала любви. Все испортилось внезапно. Он исчез на неделю, телефон молчал, как остановившееся сердце, она дважды приезжала в квартиру на Искровском проспекте и смотрела в затравленные глаза его матери. «Паша болеет...» – все, что удалось от нее узнать. Он пришел к ней ночью, искрящиеся карие глаза покрывала пелена безумия, смуглые мускулистые руки покрывали синяки от инъекций. В ту же ночь произошло лунное затмение, последовавшие за ними события вспоминать она себе запретила. Раз и навсегда.

– Нет. У меня нет климакса, мама! – сказала Надежда, чувствуя поднимающуюся со дна души волну негодования.

Мать разозлилась. Неправильная дочь играла не по сценарию.

– Ты очень похожа на своего отца, Надежда! Надеюсь, ты не выпиваешь больше?

Отец дослужился до майора воздушно-десантных войск. Веселый, сильный человек. Пять лет отслужил по контракту в Афганистане. Трагедия случилась в конце девяностых годов, когда офицеры оказались лишними людьми. «Если ты живешь в России, запой становится логичным решением, принцесса!» – любил повторять он, глядя воспаленными глазами на дочь, но даже за пологом водочного дурмана Надя чувствовала токи исходящей от него любви.

– Я не пью, мама... – сказала Надежда. – И никогда не пила раньше.

Неправильный ответ неправильной дочери!

– У тебя слишком много морщин, Надя! – начала закипать женщина. – Это потому, что ты все время хмуришься или проводишь много времени на солнце. Солнечный свет старит!

– Я почти не бываю на солнце, мама! – устало и зло возразила Надежда Петровна, однако мать игнорировала ответ. Ей важно было говорить, а не слушать. Так было всегда, с той поры, когда отец ушел из семьи.

– Моя приятельница удивилась, узнав, что тебе всего сорок четыре года!

– Мне сорок два, мама...

– Правда? – Мать искусно изобразила изумление. – Я все забываю! Ты старо выглядишь, доченька! А все потому, что занималась со своим наркоманом всякими гадостями, о которых, прости господи, и подумать-то стыдно!

Мать обладала поистине животной интуицией, когда дело касалось чего-то порочного и запретного. Надежда никогда не делилась с ней подробностями своей личной жизни, но женщина безошибочно угадала о том тайном, что случилось в ночь лунного затмения.

– Мы станем ближе, если ты попробуешь... – шептал он, его карие глаза горели каким-то неистовым, дьявольским огнем. Лунный диск на четверть скрыл идеально ровный полукруг, в исчезновении с небесного полотна вечной спутницы Земли чудилась какая-то сакральная тайна. Символ. На его широкой ладони лежали две крохотные синие таблетки, разделенные глубокой риской посередине. Они выпили на двоих две бутылки шампанского, она млела в его больших ладонях, обнаженная и покорная. А потом в комнату вплыла иллюзия, такая же нереальная и жуткая, как исчезающий лунный диск.

– Как там твой братец?

Разговор шел к завершению. Мать спрашивала про Даниила.

– Ты же знаешь, мама, мы с ним почти не общаемся, – соврала Надежда.

– Твой брат тоже пошел в отцовскую породу! – вздохнула мать. – Такой же эгоистичный и бессердечный человек. Он занимается этими своими компьютерами?

– Даня ремонтирует оргтехнику.

– Бесовское дело – этот ваш Интернет! – вздохнула мать.

В ее понимании вина Даниила заключалась в том, что во время бесконечных обвинительных монологов в адрес отца он неизменно вставал на его сторону. В завершение разговора мать пожелала ей счастья и здоровья и распрощалась в прекрасном настроении. Надежда Петровна положила смартфон в карман вторично за это утро, посмотрела в большое зеркало.

– Что ты надеешься там увидеть? – спросила она себя вслух.

Женщина с глазами цвета морской волны в точности повторила движения ее губ. Материнское наследство, как она любила шутить, пребывая в хорошем настроении. Паша называл ее Мадонной за эти удивительные глаза. Сейчас под ними проступили темные мешки, пять минут телефонного разговора состарили ее на пять лет. Она сохранила отличную осанку и спортивную фигуру благодаря многолетним занятиям спортивной гимнастикой. Иногда отражение в зеркале радовало ее, чаще пугало. Сегодня оно вызвало чувство легкого отвращения. Вновь выглянуло солнце, темные пятна теней скользили по стенам пустынного коридора. Мелодичная трель смартфона вывела ее из состояния оцепенения. Каждый раз, видя незнакомый номер абонента, Надежда Петровна внутренне сжималась. Высокий уровень тревожности, как повторяла штатный психолог Мария Самуиловна. Просто Маша. Их связывала крепкая дружба, которая нечасто случается у незамужних женщин, перешагнувших сорокалетний рубеж. Звонили из полиции. Два дня назад одна из воспитанниц старшей группы сбежала из детского дома, беглянку обнаружили в семидесяти километрах от города.

– Поселок Рощино! – сообщил инспектор. – Электрички ходят от Финляндского вокзала.

– Я знаю, где находится Рощино...

По окончании разговора Надежда Петровна позабыла про жуткий рисунок, лежащий в ее папке, и вспомнила о нем лишь на следующей неделе, когда вереница чудовищных событий захлестнула большой город, как приливная волна с Ладоги, с неотвратимостью стихийного бедствия.

2

Ярость взорвалась, как шаровая молния, и опалила небо. Сгустились тучи, черные, клубящиеся, с огненно-рыжим подпалом в сердцевине, предгрозовая тишь сковала землю. Стало трудно дышать, будто к груди приложили раскаленные ладони. Дожди в пустыне бывают редко, нынешняя гроза имела сакральное значение; это хорошо понимал высокий и худой мужчина. Его лицо было загорелым до черноты, неопрятная клочковатая борода, иссеченная серебряными нитями, покрывала высокие скулы. Он чувствовал приближение грозы, как животные угадывают надвигающиеся стихийные бедствия. За пологом разбушевавшейся стихии таилось нечто большее, чем электрические разряды и потоки льющейся с небес дождевой воды.

– Близко-о-о... – пропел он сложенными в трубочку губами. – Близко-о-о...

Он испытывал экстатический восторг, его ощущения трудно было описать словами. Жажда, свирепая радость, боль и наслаждение. И все воедино. Близко-о-о...

Слепяще-белый зигзаг разорвал громаду кучевых облаков. Потекли томительные секунды ожидания, во время которых человек сильно сжал себя за промежность и застыл на полусогнутых ногах, обратив темное лицо на север. Трескучий грохот прокатился по земле, будто проехала груженная камнями телега, человек издал сдавленный крик, похожий на вой шакала, какие в великом множестве бродили по безлюдным землям пустыни Негев. Раскаленный воздух быстро остывал, стало темно, как ночью, серебристую белизну Мертвого моря окутал мрак. Сверкнула молния, последовала звенящая тишина, ударил гром.

Человек сорвал с себя одежду, лег на землю, чувствуя голой спиной сухую жесткость камня. Он раскинул крестообразно руки, широко открытые глаза жадно поглощали черноту туч. Холодные капли дождя ударили по лицу, инстинктивно сомкнулись ресницы. Мощь сти-

хии нарастала. Алые молнии метались по черному небосклону, трескучий рокот грома оглушал. Дождь хлестал во всю силу, человек лежал неподвижно, вбирая каждой клеточкой нагого тела летящую с небес влагу.

– Близко! – кричал он, его хриплый, словно простуженный, голос звучал чуть слышно на фоне разбушевавшейся стихии. – Близко!!!

Гроза стихла так же быстро, как началась. Восток озарился золотыми лучами солнца, тучи уползли на север, в Иерусалим. Мужчина продолжал неподвижно лежать на земле. Со стороны его можно было принять за мертвого. Сухая земля жадно впитывала влагу, из расщелины между камней проскользнула юркая ящерица, подбежала к лежащему человеку, его рука взметнулась, кулак сжал извивающееся тело пресмыкающегося. Человек поднес рептилию к лицу, на него взидала пара глаз, круглых и блестящих. Влага испарялась с его тела, над безволосой грудью, украшенной синью искусной татуировки, конденсировался пар. Ящерица смешно царапалась в кулаке, надеясь вырваться на волю. Он немного подумал, а потом одним движением откусил ей голову. Рот наполнился чем-то горьким и липким. Прожевать и проглотить живую плоть не составило труда, конечности продолжали конвульсивно сокращаться, в свой предсмертный час ящерица отбросила изумрудный хвост.

Мужчина поднялся на ноги. Одну вещь он знал наверняка. Теперь совсем близко...

Аэропорт имени Бен-Гуриона. Тель-Авив.

Регистрация подходила к концу. Пассажиры проходили пункт досмотра. Перед вылетом они ознакомились с рекомендациями. Отпечатанные на трех языках листки лежали на столиках, где заполнялись таможенные декларации. Избегать шуток, отвечать на вопросы коротко и по существу, не вступать в пререкания с сотрудниками спецслужб.

Через рамку металлоискателя прошел высокий мужчина. Лет сорока, смуглый, высокий. Тонкий белый шрам змеился вокруг левого глаза, заполняя на тщательно выбритую щеку. Мужчина был одет в строгий темно-синий костюм от Армани, поскрипывали начищенные до блеска черные ботинки с вставками по бокам из крокодиловой кожи. Он протянул в окошко паспорт, на запястье сверкнул золотой браслет часов марки «Ролекс». Служащий быстро и профессионально проверил документы, внимательно посмотрел через стекло на пассажира.

– Вы путешествуете транзитом, господин Риман?

– Да... – Тонкие губы шевельнулись, улыбка преобразила его лицо.

Сотрудник аэропорта поневоле улыбнулся в ответ.

– Насколько мне известно, прямой рейс из Лондона в Санкт-Петербург вышел бы вам дешевле и быстрее.

На бейдже была написана фамилия сотрудника и имя. Сайкин Михаил. Латиницей и ниже на иврите. Разговор шел на английском языке, которым пассажир владел безупречно, хотя паспорт принадлежал гражданину России Риману Марку Альбертовичу. Михаил был уроженцем Днепропетровска, родители репатриировались в начале девяностых годов, когда могущественная империя трещала по швам.

– Видите ли, я трижды бывал в Израиле, а сейчас возвращаюсь в Россию, – охотно ответил мужчина. – Не все оценивается деньгами, согласны? Я и подумал: почему бы мне не посетить Землю обетованную в четвертый раз, даже если путешествие продлится один день!

Динамик искажал тембр голоса. Низкий баритон.

– Вы пробьете в Израиле почти сутки и не бронировали отель?

– Я взял напрокат машину. – Мужчина озабоченно нахмурился, сунул руку во внутренний карман пиджака, ища там что-то, и тотчас заулыбался. Он протягивал сложенную вдвое бумажку. – Вот, адрес прокатного бюро и страховка. «Ниссан»-микро. В Израиле удобно ездить на компактных автомобилях. Узкие улочки, сами знаете... – Он приветливо кивнул. – Пожалел время на сон, зато за четырнадцать часов объехал всю страну. Израиль – замечательная

страна! – воскликнул он столь искренне и горячо, что сотрудник за стеклом улыбнулся вторично.

Служащий автоматически ввел данные страховки, а также номер прокатного автомобиля в память компьютера, однако, по неизвестным причинам, как он вспоминал впоследствии, позабыл сохранить информацию. Пассажир следил за его действиями все с той же безмятежной полуулыбкой. Когда он забирал паспорт, на безымянном пальце сверкнуло массивное золотое кольцо-печатка. Перевернутый крест и запятая. «Интересный символ», – подумал Михаил. Где-то он видел такой знак раньше. Вокруг образовалась какая-то странная пустота, мимо пробегали пассажиры, динамик безудержно изрекал сообщения о прибывающих рейсах и номерах стоек для регистрации, и только в зоне пропускного пункта на рейс U6887, следующий из Тель-Авива в Санкт-Петербург, остались два человека, разделенные пуленепробиваемым стеклом. Михаил встретился взглядом с пассажиром, у него закружилась голова.

– Интересный квест? – Риман кивнул на смартфон, лежащий рядом с уложенными в аккуратную стопку бумажными листами.

Михаил смутился. Он забыл закрыть приложение, на экране розовела заставка увлекательной игры.

– Мало пассажиров на рейс... – Он понял, что оправдывается, а оттого покраснел еще больше.

– Сколько вам осталось? – спросил Риман.

– Вы о чем?

– Вы уже зарегистрировались в приложении?

– Пока не было времени...

– Не пожалеете! – одобрительно сказал Риман. – Что может быть увлекательней, чем игра на тему жизни и смерти?

Михаил пожал плечами. Ему показалось, что стекло, разделяющее сотрудника израильской службы контроля и пассажира, растаяло, как мираж. Ноздрей коснулся запах дорогого одеколона, новенькой кожи, которой пах портфель Римана, и еще чего-то пугающе знакомого, вроде смеси экзотических специй из тех, что продают арабы в своих лавках в старых районах Иерусалима.

– Иногда мы делаем совсем не то, о чем нам хотелось бы помнить, не так ли? – сказал мужчина, любуясь своим кольцом. – Забавный квест, господин Сайкин. Рекомендую вам пройти до конца. В финале вас ждет что-то незабываемое! – Он ослепительно улыбнулся.

– Можете проходить на посадку, господин Риман!

Михаил поставил печать в нужном месте, стараясь проделать это аккуратнее, – странички с водяными знаками были испещрены разноцветными отметками разных стран.

– Молодость – бесценный дар! – заявил пассажир, забирая паспорт. – Обидно терять этот дар, не успев им как следует насладиться!

– Я не понимаю, о чем вы говорите...

Внезапно ему стало страшно. Он не понимал причин тревоги, которую вызвал у него этот смуглый мужчина в дорогом костюме.

Риман улыбнулся еще шире.

– Возможно, мы еще увидимся, Михаил! – сказал он по-русски. – Мир тесен, так ведь говорят у нас на родине?

Он последовал дальше, неся компактный черный портфель фирмы S.T. Dupont. Шел ровно, с неестественно прямой спиной. К нему присоединилась молодая черноволосая женщина. Она обернулась, улыбка озарила ее красивое лицо с тонкими чертами и выразительными глазами цвета гречишного меда. Сайкин потер лоб ладонью. Где он мог видеть эту женщину? Он только собрался открыть приложение на смарте, о котором упоминал пассажир, неожиданно потемнело в глазах, перед мысленным взором возникла картинка. Он продвигался по

городу Рамала, вдоль Белого минарета. Середина июня, к полудню жара стала нестерпимой. Ремень от автоматической винтовки М-16 нещадно натер ключицу. Обогнув минарет, вооруженная группа вошла в узкий проулок, справа возвышалась полуразрушенная кирпичная стена и темный вход в какое-то строение. Сержант поднял ладонь, все остановились. Едкий пот заливал лицо. Внутри промелькнула тень, выкатился круглый предмет.

– Граната! – закричал сержант и рухнул ничком на землю.

Михаил замер неподвижно. У него под ногами мирно лежала ручная граната ИМ-26, тускло поблескивая оливковым боком. Дальнейшие его действия являлись следствием отточенных тренировок, полученных во время шестимесячного подготовительного курса, который проходили все призывники армии Израиля. Он опустил колпачок предохранителя и выпустил короткую очередь в темноту строения. Там кто-то крикнул, воцарилась тишина. Только горячий пот струился по спине, такой же липкий и соленый, как человеческая кровь. Граната оказалась пустышкой, а внутри заброшенного дома лежал худенький подросток в длинной майке; пуля раздробила мальчику бедро.

Михаил протер кулаком глаза. Головокружение ушло, на табло мерцали зеленые буквы. Посадка на рейс Тель-Авив – Санкт-Петербург завершена. На него внимательно смотрел напарник. Улыбчивый Костя Левит.

– Клевая телка?

– Кто? – растерянно спросил Михаил.

– Ты чё, слепой, Сайкин?! – рассмеялся Костя. – Вон, с мужиком на посадку пошла. Бывшая «мисс Россия», или что-то в таком роде...

– Красивая...

– А то! – воскликнул Левит. – Зарегистрировался? – Он кивнул в сторону смартфона с заставкой квеста. И, не дожидаясь ответа, сообщил: – Прикольная фишка. Мне ссылка пришла, я пока еще не регистрировался. Времени в обрез. Сажу с младшим братом, сестра опять беременная.

Михаил сунул смартфон в карман.

– Какие новости?

– Караул! – скорчил Левит гримасу. – Только что в новостях прочел. За прошедшие сутки двенадцать человек покончили с собой. Все из благополучных семей. Младшему было восемнадцать лет, старшей, девушке, – двадцать три.

Сайкин пожал плечами. Суицид в Израиле – редкость, а среди молодежи – редкость неслыханная. Здесь даже подростковая наркомания рассматривалась как исключительное явление.

– Откуда ты знаешь? – спросил он.

– Ты что, оглох?! В Интернете прочел. – Левит склонился над компьютером, поправил дужку очков. – С тобой все в порядке?

Между собой уроженцы Советского Союза разговаривали на русском языке. Левит приехал в Израиль из Калининграда.

– Нормально...

Лайнер выруливал на взлетную полосу, на борту синели огромные буквы British Airways. Михаил дернул плечом, словно ему за шиворот бросили кусочек льда. Кожа покрылась ознобом, сердце отозвалось ноющей болью, словно засела тупая игла.

– Точно нормально? – Темные глаза товарища смотрели озабоченно. – Ты бледный как смерть!

– Что-то сердце прихватило! – Михаил потер ладонью грудь, мысленно удивился своему голосу. Он был слабым и дрожал.

– В тридцать шесть лет! – Левит недоверчиво покачал головой. – Сходи в медпункт, померь давление, – он решительно выталкивал коллегу из уютного мирка застекленной камеры, – потом смену сдашь...

Лайнер остановился, загорелись красные проблесковые маячки под крыльями. Взлет совершался точно по графику. К ноющей боли в сердце присоединилась смертельная тоска.

– Ты прав... – кивнул Михаил, – схожу к врачу. Может, вирус подцепил.

До кабинета экстренной медицинской помощи было метров триста. Он преодолел их с трудом. Ноги налились свинцом, перед глазами все плыло, в ушах нарастал звон.

Лайнер набрал требуемую скорость для взлета, тугие шасси оторвались от бетонного покрытия, деловито опустились закрылки. Наверное, пассажир по фамилии Рима небрежно листает рекламный журнал или же откинулся на спинку кресла, намереваясь подремать...

Михаил стукнул костяшками пальцев в дверь, услышал разрешающий войти отклик. Дежурил пожилой врач с сефардской фамилией Габбай. Он бросил короткий взгляд на бледного посетителя и указал ему на стул, разматал липкую ленту тонометра.

– Что беспокоит?

– Голова кружится и сердце...

Разговор шел на иврите. Врач приложил палец к губам, скрытым защитной маской. Пока в манжету нагнетался сжатый воздух, доктор достал компактный прибор для снятия кардиограммы. Движения его были плавные и неспешные. Оценив цифры артериального давления, доктор преобразился. Он вторично посмотрел на пациента с тем специфическим вниманием, которым обладают врачи и полицейские.

– Что-нибудь принимали сегодня? Или вчера?

Толстый палец, поросший короткими черными волосками, указывал на кушетку. Доктор привычно распутывал провода кардиографа.

– В каком смысле? – Михаил снял фирменную рубашку защитного цвета хаки. В кабинете работал кондиционер, его затрясло от лютой дрожи.

– Я имел в виду наркотики... – Врач прижимал присоски к голой груди молодого человека.

– Ни разу в жизни не пробовал!

– Тихо!

Вновь последовал властный жест, призывающий к молчанию. Прибор дружелюбно загудел, из жерла ползла испещренная синими полосами лента.

– Задержите дыхание!

Михаил послушно втянул носом воздух. Он слышал, как неровно бьется в груди сердце.

– Достаточно...

Врач шагнул к стеклянному шкафчику, выдавил желтую таблетку из блистера.

– Положите под язык!

Он всматривался в загадочные загогулины на бумажном листе с тем интересом, который обычно выдает увлеченного своим делом человека. Михаил послушно сунул под язык таблетку, рот наполнился кисло-сладким вкусом, зашумело в голове, теснение в груди ослабло, боль переместилась в левую руку, почему-то заныла челюсть, словно воспалился нижний зуб.

– Что там, доктор? – Он постарался улыбнуться.

Доктор оторвался от изучения кардиограммы и посмотрел на мужчину с укоризной, будто тот помешал ему дочитать увлекательную книгу.

– Вероятно, нестабильная стенокардия. – Он отлепил присоски от груди Михаила.

– Инфаркт?!

– Нет... – сказал врач как-то не очень уверенно. Он говорил на иврите с характерным акцентом репатриантов из стран Ближнего Востока. – Не думаю. Нужен анализ крови на тропонин. Вам его сделают в больнице.

Он собрал кардиограф, набрал короткий номер. На низком лбу отпечаталась глубокая морщина. Михаил одевался. Таблетка подействовала, или близость врача его приободрила, но боль стихала, осталось только незначительное онемение под лопаткой и неясное ощущение близкой беды. Застегивая пуговицы на рубашке, он физически ощутил рядом чье-то присутствие. Явственно запахло чем-то едким и сладким, будто разлилась жидкость из аккумулятора. Он резко обернулся, будто получил толчок в спину. За опущенными на треть оконными жалюзи полоскалось яркое средиземноморское солнце. Врач закончил разговор, положил смартфон на стол.

– Приедут через пять минут. – Он опустил защитную маску и одобряюще улыбнулся. Лицо у него оказалось смуглое, сдобное, с мягкими пухлыми губами. Белые, как сахар, зубы блеснули на фоне темных губ. – Вам нужно что-нибудь забрать с работы?

Михаил потер ладони, будто они озябли. Навязчивая картинка взлетающего самолета мешала сосредоточиться.

– Больница... Это обязательно?

– Обязательно! – Врач нахмурился, улыбка исчезла.

– Хорошо... – вздохнул Михаил. – Я позвоню жене из больницы, она принесет все необходимое.

Лайнер занял высотный эшелон, компьютер проложил оптимальный курс до Санкт-Петербурга, учитывая встречный ветер и погодные условия. Время перелета в среднем занимало четыре с половиной часа, расстояние более трех тысяч километров. Чудное кольцо было у пассажира!

Врач набирал текст в компьютере, поглядывая на пациента.

– Все нормально? – спросил он.

Михаил молча кивнул. Что такого необычного было в пассажире? Провел четырнадцать часов на ногах, и это после длительного перелета из Лондона до Тель-Авива. Странно, но не наказуемо. У богатых людей бывают свои причуды. Взял напрокат машину, колесил по стране. «Ниссан-микро» небесно-голубого цвета. Где он мог видеть похожую машину?

Снаружи слышались голоса, распахнулась дверь, тесное помещение медпункта заполнилось людьми. Высокий врач, с пигментными пятнами на лысом черепе, кивнул доктору, поднимавшемуся ему навстречу. Двое санитаров деловито монтировали носилки на колесиках, вокруг собирались зеваки из числа людей, ожидающих регистрацию рейса. Лысый доктор пробежал глазами ленту кардиограммы, обменялся с Габбаем короткими непонятными фразами, повернулся к Михаилу:

– Как вы себя чувствуете, господин Сайкин?

– Уже лучше, спасибо! Ехать в больницу необходимо?

– Да. Необходимо.

Он кивнул санитарам, положил в папку сложенную ленту, пожал руку Габбаю.

– Ложитесь, пожалуйста... – сказал широкоплечий парень, судя по оливковому цвету лица, араб или переселенец из Северной Африки.

– Я сам могу идти! – попытался протестовать Михаил, но санитар бы неумолим.

– Такие правила...

Он аккуратно взял больного за локоть, усадил на носилки, вежливо, но решительно прижал ладонь к груди.

– Ложитесь...

Пришлось повиноваться. Михаил улегся на спину и обреченно смотрел на пролетающие над головой лампы дневного света. На собравшихся зевак он старался не обращать внимания. Стеклопакеты бесшумно раздвинулись, солнце прижало раскаленные ладони к лицу, Михаил инстинктивно зажмурился. Он так и не сумел привыкнуть к местной жаре, хотя прожил в Израиле большую часть своей жизни. Водитель уже открывал двери машины ско-

рой помощи, Михаил повернул голову, в поле зрения попал паркующийся автомобиль. «Ниссан-микро». За рулем сидела худенькая старушка в голубом парике с ярко накрашенными пурпурной помадой губами.

– Стойте... – прошептал Михаил.

Короткая, как вспышка молнии, картинка озарила сознание.

Санитары привычно вкатили носилки с лежащим пациентом вовнутрь, дверь захлопнулась, охладив людей свежим кондиционированным воздухом.

– Подождите! – прошептал Михаил.

Лысый врач сел рядом, впился пальцами в запястье, слушая пульс. Широкоплечий санитар крепил на стойке пластиковую емкость, разорвал упаковку со шприцем.

– Тише! – Врач нахмурился.

– Я вспомнил! – простонал Михаил. Голова закружилась, во рту появился металлический привкус, словно он лизал медную монету.

Руку выше локтя сдавил жгут, во внутренний сгиб локтя впились острие иглы. Протяжно завывала сирена, фургон скорой помощи мчался по трассе, ведущей от аэропорта к городу. Мимо проносился пустынный пейзаж, высохшее тутовое дерево клонилось к земле, будто увлекаемое тяжестью прожитых лет. Согласно библейской истории, терновый венец Иисуса был сделан из ветвей этого дерева. Узловатые, крученые жгутом ветки облюбовала стая ворон. Черная птица проводила пристальным взглядом несущийся фургон, хищно блеснул выпуклый глаз. Желтый круг солнца клонился к закату, Средиземное море окрасилось золотом. Близился вечер.

3

Этот сон повторялся седьмую ночь подряд. Он плыл к берегу из последних сил, а бушующее море жадно тянуло его в свою бездонную пучину. Силы были на исходе, а темная полоска суши, такая близкая и такая желанная, вопреки законам физики отдалялась, и вот он уже сражался со стихией в открытом море. Вокруг бушевали гигантские валы, закипала белая пена на гребешках волн, с неба хлестал ледяной дождь. Он кричал, морская вода заливала легкие, сердце заходило в бешеной скачке, чей-то голос изрекал короткое и беспощадное слово.

«Смерть!»

Руки наливались свинцом, он видел себя со стороны погружающимся в черноту – медленно, с какой-то завораживающей грацией. Он взмахивал руками и просыпался. Липкий пот выступил на лбу, часто трепетало веко на левом глазу. Сергей протянул руку, нащупал под кроватью бутылку, поднес горлышко к губам, жадно глотнул. Горло ожгло спиртом, привычно подкатила тошнота. Некоторое время следовало лежать на боку неподвижно, ожидая усвоения напитка. Смерть... Ты задержался на этом свете, Авдеев! Сколько жизней тебе довелось прожить? У кошки их семь, как гласит примета, у тебя втрое больше.

– Смерть... – прошептал он вслух.

Водка благополучно впиталась в кровь. Заблуждаются те, кто считает алкоголиков беззаботными людьми, лишенными совести. Классический пьяница терзаем чувством вины и раскаяния, и пьет он, по большей части, не ради получения удовольствия, а для того, чтобы заглушить этот кричащий голос совести, растворить его охрипшие связки в этиловом спирте.

Сергей сел на кровати. За окном серел рассвет. Пять тридцать. В апреле солнце встает рано. Он обладал даром чувствовать время с погрешностью в четверть часа. Жанна считала это проявлением невроза и любила подшучивать над ним. Он прошелся по комнате. Пробуждение вызвало боль, которую не могла унять даже могущественная водка. Все равно что прикусить зуб с открытым нервом. Зазвонил смартфон, черный квадратик полз по столу, издавая тихую

вибрацию. Сергей смотрел на гаджет, как замороженный, на миг ему почудилось, будто смарт ожил и сейчас заговорит с ним человеческим голосом.

– Совсем белый, совсем горячий... – невесело усмехнулся мужчина.

Он провел подушечкой большой пальца по дисплею.

– Слушаю...

– Здорово, Авдей! – Голос Виталика Сомова был спокойным и рассудительным. – Я у тебя внизу. Отпирай ворота, хлопчик!

Из семи с половиной миллиардов людей, живущих на планете Земля, был только один человек, чей голос он был рад сейчас услышать. Этим человеком был Сомов. Они вместе поступали в Рязанское десантное училище, вместе побывали в горячих точках. Все вместе...

Сергей натянул спортивные штаны, вышел в прихожую, повернул ригельную задвижку замка. Виталик вошел в прихожую с таким невозмутимым выражением лица, словно они расстались накануне. Мужчины обнялись.

– Давно на кочерге? – деловито осведомился Сомов.

– Вторая неделя... – Авдеев потянулся за бутылкой, которую Виталик решительно перехватил. Понюхал содержимое, сморщил нос.

– Приличная сивуха!

– На дорогой коньяк не заработал.

– Собирайся! – коротко сказал Сомов. – Если трудно, помогу!

Он по-хозяйски прошелся по комнате, направился на кухню. Там послышалось тихое журчание, потянуло спиртовым запахом.

– Собирайся! – Сомов вернулся в комнату, смерил оценивающим взглядом исхудавшую за время запоя фигуру товарища. – Я прошу тебя, как друга, Авдей, – тихо добавил он. – Если понадобится, вырублю и потащу на себе, а у меня травма колена, сам знаешь... – Он хитро улыбнулся. – По рукопашке я тебе и в лучшие годы не уступал, а ты вторую неделю бухаешь, наверняка не жрешь ничего, вон ребра торчат! В курсе, чем спарринг закончится?!

Впервые за восемь дней Сергей помимо воли улыбнулся.

– Нищему собраться – только...

– Подпоясаться! – подхватил Сомов, и они рассмеялись.

– Здорово, Сом!

– Здорово, Авдей! – улыбался Виталик.

* * *

Похмелье настигло его, как шальная пуля. Это случилось на сорок восьмом километре Выборгского шоссе. Старенький «митцубиси-паджеро» бодро мчал по пустынной трассе, за окном внедорожника темнела громада леса. Деревья еще не облачились в лиственный наряд, тепло в этом году пришло позже обычного, лишь кое-где просматривались робкие зеленые ростки, соседствующие с подтаявшими пятнами снега на тенистых полянах, и только вечнозеленые ели скрашивали унылую картину.

Сергей вцепился в ручку двери внедорожника, пытаясь усилием воли унять яростную дрожь в теле. Сомов кинул на друга короткий взгляд, понимающе кивнул.

– Потерпи, Авдей! Через полчаса будем на месте.

По ходу движения возник и ухнул в небытие рекламный щит. АЗС Neste. И жирно выделенные цифры. Сергей обратил красноречивый взгляд на однополчанина, но Сомов был неумолим.

– Нет, Серега... Нет. Понимаешь?

– Какая разница? – процедил сквозь зубы Авдеев.

Погруженный в тягостное состояние, он не заметил узкую полосу одноколейки, уходящую в темноту леса. Сомов включил полный привод, дизельный движок утробно загудел. Колея была глубокой, местами возникали ямы, покрытые тонкой коркой льда, старый внедорожник уверенно пробирался вперед, рессоры жалобно постанывали на ухабах. Лес распростер над людьми свои могучие руки, их окутали запахи – яркий аромат лесной хвои, талой воды, лежалого в тенистых прогалинах снежного крошева. Полумгла лесной чащи завораживала, вокруг царила удивительная, первозданная тишина, которая бывает на изломе времен года, в канун пробуждения природы. Сергей опустил ветровое стекло, вдохнул кружащий голову лесной воздух. Похмелье неожиданно ослабло, выпустив жертву из своих липких объятий.

– Как у Господа в ладонях... – невнятно пробормотал он.

Сомов посмотрел на друга, жесткие черты лица смягчились. Он припарковал внедорожник у железных ворот, распахнул калитку.

– Добро пожаловать!

Баня была натоплена на совесть. Потрескивали дрова в печке, смола закипала на сосновой коре, жаром полыхало в парной. Сомов обхаживал друга двумя вениками, как заправский парильщик. Десять – пятнадцать минут – парение, двадцать минут – перерыв. Друзья парились с молчаливым ожесточением, в промежутках опивались терпким и сладким квасом домашнего приготовления. Спустя полтора часа Сомов, шумно отдуваясь, скомандовал:

– Полчасика перекур!

Они вышли на улицу, сели на скамейку и слушали оглушающее лесное безмолвие. Лужайку перед домом заливало апрельским солнцем, здесь снег растаял, кое-где пробивались зеленые ростки. Издалека прилетел гул электрички, на пригреве темнела лужица, в воде полоскалась серая птичка с оранжевым хохолком на темечке. Птица опасливо косила на людей черным глазом, но улетать не собиралась.

– Говорят, эта зараза чаще бывает у блондинок, – прервал паузу Сергей. Он смотрел в пустоту, белый шрам на скуле побагровел от прилившей крови. Запой высушил подкожный жир на теле, мускулатура проступала рельефно, как в анатомическом музее.

Сомов молчал.

– И слово-то какое красивое – меланома! – Сергей стиснул кулаки, на заросших седой щетиной скулах заиграли желваки. – Она любила загорать, понимаешь, Сом?! – Он с силой ударил кулаком по скамье, охнуло твердое дерево. – Говорила, это типа сексуально!

Сомов продолжал молчать, хорошо понимая, что другу надо выговориться. Ярость ползущее отчаяния. Сергей помолчал, а затем, каким-то удивленным, немного растерянным тоном проговорил:

– Дурацкая родинка! Понимаешь?! Маленькая темная родинка на спине! Такую и не заметишь сразу...

Поднялся ветер, загудели корабельные сосны. Виталик опустил руку на плечо товарища.

– Перерыв закончен! Айда в парную, пока жар не ушел...

Они парились до четырех часов дня, а в завершение ныряли в пруд, разбив тонкую корку льда на его поверхности. Сомов заставил Авдеева побриться, дал свой спортивный костюм. Вечером приехал на старенькой «Ниве» старинный друг Сомова, священник отец Арсений. Мужчины разожгли мангал, на решетке шипело свежее мясо, тлели алые угольки. Весной рано темнеет в северных широтах, они засиделись допоздна. Угли погасли, лишь кое-где таинственно светились алые огоньки, как глаза демонов, жадно следящие за людьми из седого пепелища, бывшего совсем недавно яростным пламенем. Арсений пошевелил палкой уголья.

– Один умный человек сказал, – тихо проговорил он. – Грех – дрова, а смерть – огонь. В чем смерть находила пищу, то и пожирала...

– Ей было сорок, батюшка! – Сергей, как замороженный, смотрел на мерцающие огни костра. – Всего сорок лет!

– В глубине души никто не верит в собственную смерть, – улыбнулся Арсений. – Даже вы, люди, видевшие ее много раз, смотревшие в ее оскаленную пасть. И что странно... Для вас, мужчин войны, смерть на поле брани выглядит естественной, а мирная кончина в своей постели кажется несправедливой и абсурдной.

Сергей внимательно слушал, пораженный точностью формулировки.

– Если бы Жанна погибла, поднося тебе патроны, Сергей, ты бы воспринял это иначе, чем сейчас, – продолжал Арсений. – Получается, что мы сами диктуем Господу условия нашей жизни и смерти. Будто сценарий пишем. Допустим, Создатель примет наш сценарий. Что тогда мы закажем следующим пунктом? – спросил священник и тотчас ответил сам: – Вечную жизнь и молодость для нас и наших близких!

Отец Арсений уехал, когда уже стемнело. Двадцать два часа пятнадцать минут, автоматически отметил Сергей, прощаясь со священником.

– Без Господа и жить трудно, и умирать страшно! – сказал Арсений на прощание, обняв Авдеева.

Друзья еще посидели немного, слушая волшебный гомон ночного леса, и отправились спать. Эту ночь Сергей спал тихо и спокойно. Без сновидений.

4

Припаркованный «ниссан-микро» небесно-голубого цвета был обнаружен в пригороде Тель-Авива, в городе Яффо. Автомобиль стоял между мусорными баками. Натасканная на поиск взрывных устройств служебная собака повела себя необычно. Овчарка припала брюхом к земле, жалобно скулила, а когда инструктор прикрикнул на пса, тот оскалил желтые клыки, поднял черную морду к небу и тоскливо завыл. Дверца автомобиля была приоткрыта, изнутри пахло чем-то сладким, в сумраке надвигающегося вечера было видно растекшееся черное пятно на земле – со стороны пассажирского сиденья. Овчарка зашлась яростным лаем...

В это самое время в центральной больнице Ихиллов врачи сражались за жизнь тридцатилетнего Михаила Сайкина. При введении катетера в артерию у больного началась экстра-систолия, приведшая к фибрилляции предсердий. Обычно пароксизм мерцательной аритмии сравнительно легко купировался, однако введение антикоагулянтов привело к аллергической реакции, хотя предварительный тест на аллергию таковой не выявил. Опытные врачи недоумевали: молодой мужчина, регулярно проходивший медицинское обследование, демонстрировал состояние здоровья, характерное для пожилого человека!

После тщательного обследования автомобиля было принято решение проникнуть в салон «ниссана». Машина числилась в реестре фирмы «Херц» города Иерусалима. Сотрудник, оформлявший страховку, в настоящий момент находился в больнице с приступом острого панкреатита, дежурная пункта проката не смогла дать внятного объяснения, по какой причине автомобиль не был зарегистрирован надлежащим образом. Офицер приблизился к брошенной машине, осторожно распахнул заднюю дверцу и тотчас согнулся в приступе рвоты...

* * *

Семен Лифшиц был похож на французского актера Жана Поля Бельмондо, перешагнувшего пятидесятилетний юбилей. Расплющенный нос, следствие многолетних занятий боксом, насмешливые зеленые глаза, большие губы и накачанный торс. Большую часть жизни Лифшиц проработал тренером по боксу, в юности дважды побеждал на чемпионате Украины, выступал в среднем весе. Он родился и вырос в Одессе, репатриация в Израиль была затеей жены. «Стареть надо среди своих, Сема!» – любила она повторять как мантру. Каких, мать вашу, своих?!

Лифшиц считал себя советским человеком, а раскол страны в девяностые годы воспринял как личную драму.

– Мой дед дошел до Берлина! – резко ответил он в тот раз жене. – И потом, я крещеный! Что я буду делать в земле Иудейской?!

Все поменялось в 2014 году. Лифшиц открыто поддерживал политику России по воссоединению с Крымом, его уволили с тренерской работы: по мнению властей, человек с подобной гражданской позицией не вправе был преподавать бокс сотрудникам МВД Украины. Наступили тяжелые времена.

На собеседовании сотрудник консульства, ознакомившись с анкетой, вежливо спросил:

– Вы написали, что являетесь христианином...

Вместо ответа Лифшиц распахнул ворот рубашки, на тонкой цепочке болтался простенький серебряный крестик.

– Выкрест... – кивнул чиновник.

– Не выкрест, а настоящий!

Лифшиц широко улыбнулся, обнажив полный рот собственных белых зубов. Друзья старого тренера хорошо знали, что может последовать вслед за этой обворожительной улыбкой. Супруга причитала, как по покойнику, когда Семен рассказал ей о собеседовании.

– Дурак ты старый, Сеня! Мог бы соврать раз в жизни!

– Это называется – отречься! – жестко ответил Лифшиц.

К их удивлению, они получили положительный ответ из консульства, и спустя три месяца чета Лифшиц обосновалась в Земле обетованной. Детей у супругов не было, а на отвальную собралось человек двести. Снимали ресторан в центре города, помещение едва вместило всех желающих. Как пел Высоцкий, «а там на четверть бывший наш народ!». Благодаря дарованиям полиглота Лифшиц неплохо освоил иврит, а связи в мире спорта и знакомства в МВД Украины помогли ему найти непыльную работенку в качестве консультанта по единоборствам. Все было бы ничего, если бы не две досадные вещи. Жара и ностальгия.

Этим вечером Миша Сайкин пропустил тренировку. Лифшиц занимался с земляком индивидуально, принципиально не брал за занятия денег.

– Бокс – не драка, бокс – искусство! – сказал он Сайкину. – А искусство, Миша, должно принадлежать народу!

Подержав лапы для отработки серии, он провел два учебных спарринга, отметив непривычную одышку. Жена была права. Когда тебе к шестидесяти ближе, чем к пятидесяти, не следует выкладываться каждый день, как юниору! Он дал рекомендации напарнику, наскоро принял душ и набрал номер Сайкина. Миша был невероятно пунктуальным и ответственным человеком. Если он пропустил тренировку, не предупредив заранее, на то была весомая причина! Ответили после седьмого гудка. Женский голос, разговаривали на иврите.

– Слушаю вас...

Лифшиц мысленно выругался. Он неплохо говорил на государственном языке Израиля, но ему требовалось видеть выражение лица собеседника. Общение по телефону было обезличенным и пресным, как еда без соли. Приходилось сооружать в голове несложную конструкцию.

– Моя фамилия Лифшиц. Мы занимаемся с Михаилом боксом...

– Вы русский? – перебила женщина.

Репатриантов из России и стран бывшего СССР в Израиле обычно называли русскими.

– Да. Вы тоже?

– Я жена Михаила. – Женщина всхлипнула.

– Что с ним случилось? – Лифшиц перешел на русский язык. – У нас на вечер планировалась тренировка.

– Семен Маркович? Миша много рассказывал о вас...

– Тронут, – проворчал тренер, хотя ему было приятно услышать это. – С Мишей все порядке?

– Он в больнице. Инфаркт...

– Что за чушь?! У Миши функционалка как у юноши!

– Я и сама не знаю! – Женщина расплакалась.

– Адрес больницы? Отделение?

Выслушав информацию о местонахождении больницы, узнав номер отделения, где находился Сайкин, прерываемую всхлипами и жалобами, Лифшиц сказал:

– Все понял! Не плачьте, я скоро подъеду!

Он вышел из спортзала. К вечеру жара немного спала, но по-прежнему была нестерпимой. Думать о пекле, в которое окунется средиземноморское государство через месяц, не хотелось. Он сел в свой подержанный «форд», включил кондиционер, прохладный воздух освежил лицо. До наступления часа пик оставалось менее часа, Лифшиц выжал сцепление, включил передачу. Он предпочитал автомобили с механической коробкой передач, машину купил по случаю у репатрианта из Батуми. Маленький «форд-фиеста» демонстрировал капризный, истинно грузинский характер. Чрезмерно много потреблял топлива, но и стартовал со скоростью призового спринтера. Навигатор прочертил путь до больницы Ихиллов. Одиннадцать минут. Еще одна особенность Израиля, к которой ему нелегко было привыкнуть. Масштаб. Ему, выросшему в огромной стране, занимавшей одну шестую часть суши, трудно было привыкнуть к стране, чьи границы были впятеро меньше его родной Украины. Он остановился на красный сигнал светофора. С Мишей Сайкиным их связывали не только тренировки. Парень вырос без отца, а у Лифшица не было детей, к тому же оба приехали в Израиль с Украины. Оставшись наедине, мужчины с удовольствием разговаривали на певучем малороссийском языке, в такие часы приступы ностальгии немного ослабевали.

Парковочная площадка перед больницей была плотно уставлена автомобилями, Лифшиц долго выруливал, прежде чем втиснулся между черным «субару» и мусорным баком. В холле его ожидала симпатичная шатенка с прической каре и выразительными глазами, привлекательность которых не приглушили даже пролитые слезы.

– Меня зовут Женя! – Она протянула руку, Лифшиц бережно сжал холодные как лед пальцы девушки. – Семен Маркович?

– Можно без отчества! – улыбнулся тренер, Женя поневоле улыбнулась в ответ.

– Я предупредила в отделении, что вы приедете. – Она протягивала ему голубой халат и пластиковый бейдж. – Это надо прикрепить...

Она опять улыбнулась, немного смущенно, словно чувствовала вину за причиненные неудобства, и стала еще привлекательнее. Тренер с симпатией посмотрел на женщину, жена соотечественника излучала внутренний свет и тепло. Он накинул халат, прицепил бейдж к нагрудному карману. Отделение кардиологии находилось на третьем этаже, двери лифта бесшумно распахнулись.

– Нам сюда...

Женя шагала по коридору, оглядываясь на спутника. Они повернули налево, остановились возле двери с номером 349.

– Здесь!

Молодая женщина шумно вздохнула, нижняя губа задрожала, она едва сдерживала рыдания. Лифшиц бережно взял ее за локоть.

– Женя, давайте я один зайду? А вас потом позову, если что. Хорошо?

– Хорошо...

Она направилась к креслу, стоящему рядом с аквариумом, в зеленой глубине которого важно проплывали золотокрылые рыбки. Лифшиц глубоко вздохнул и вошел в палату. Физиологи считают, что реакции профессиональных спортсменов отличаются быстротой и скоро-

стью восприятия. Первое, что ему бросилось в глаза, были черные круги под глазами Михаила, выделяющиеся на фоне ненормально белой кожи лица. Словно гример поработал над его внешностью. Черный катетер впивался в локтевую вену, как хищный краб, из прозрачной капельницы мерно стекала бесцветная жидкость, на мониторе, стоящем в изголовье кровати, мелькали зеленые цифры. Михаил Сайкин выглядел маленьким, усохшим и каким-то очень старым.

В первое мгновение тренер решил, что его супруга ошиблась палатой, приведя его к больному старичку. Миша шевельнулся, губы исказила кривая улыбка, больше напоминающая вымученный оскал.

– Здравствуйте, Семен Маркович...

Звук его голоса шелестел, как гонимая ветром осенняя листва.

– Привет, Миша! – преувеличенно бодро сказал Лифшиц. – Что это ты, брат, разболелся? Сайкин выпростал из-под одеяла свободную от капельницы руку.

– Семен Маркович, я вам должен сказать что-то очень важное...

Тренер кивнул, присел рядом на стул, всем своим видом выражая готовность слушать.

– Я не суеверный, – шептал Михаил, – вообще не верующий... Он дьявол, этот Риман! – Он закашлялся, Лифшиц быстро взял со столика стакан воды, Сайкин отпил немного, моргнул ресницами, давая понять, что достаточно.

– Кто такой Риман? – вежливо спросил тренер.

– Риман Марк Альбертович. Гражданин России, сегодня днем он улетел в Петербург. Во всяком случае, паспорт был настоящим... – его лицо исказила судорога, – он брал напрокат автомобиль «ниссан-микро». Голубого цвета. Вы меня слушаете?

– Слушаю, Миша! Ты только не волнуйся, пожалуйста!

– Вы читали роман Булгакова, Семен Маркович?

– «Мастер и Маргарита»?

– Там было все так красиво описано... Патриарший пруд, иностранец. – Он сжал кулак. – Я с самого начала почувствовал: что-то было не так, понимаете? У него золотой перстень с печаткой в виде перевернутого креста и запятой в верхнем углу. Я видел этот знак, а потом вспомнил. Так первые христиане обозначали символ сатаны. Я в свое время увлекался демонологией, много читал на эту тему. – Сайкин виновато улыбнулся. – Принято считать, что знак демона – это пентаграмма. Но это не так. Пентаграмма – древний религиозный символ, ее использовали египтяне, персы, вавилоняне, кельты. И перевернутый крест тоже ничего общего с демоном не имеет. Апостол Петр, по преданию, просил, чтобы его распяли на перевернутом кресте. Единственно настоящий символ дьявола – это крест с низкой перекладиной и кривая запятая в верхнем углу...

Зеленые цифры на мониторе беспокойно заморгали, внутри прибора что-то тревожно пискнуло.

– Это еще не все, Семен Маркович! Все мое проклятое любопытство! Короче, я скачал приложение из Интернета...

– Какое приложение, Миша?!

– Приложение к компьютерной игре или что-то в таком роде. Только это не игра никакая! Вроде квеста. Возьмите у моей жены смартфон, в закладках есть ссылка...

Лифшиц озабоченно нахмурился.

– Миша, родной, я в своем-то смарте разобраться не могу!

– Попросите кого-нибудь! Это очень важно! Слушайте меня, Семен Маркович, а еще лучше, запишите!

Лифшиц включил на смартфоне диктофон. Сайкин быстро заговорил, речь его приобрела четкость и ясный смысл. Семен Лифшиц всегда обладал хорошей памятью, несмотря на пропущенные за боксерскую карьеру удары по голове, как он любил иногда подшучивать в

компании друзей. Он кивал в такт слов, слетающих с губ больного, и по мере рассказа история уже не казалась ему такой уж сумасшедшей.

– У меня к вам еще одна просьба, Семен Маркович...

– Говори, Миша! Сделаю все, что смогу.

– В Яффо живет мальчик. Его зовут Юсуф, он инвалид, не может ходить. Женя вам даст точный адрес. Я раз в месяц присылаю его семье деньги. Если меня не станет, позаботьтесь о нем, деньги возьмите из моей страховки. Я мог бы попросить супругу, но она побаивается арабов... – Он смущенно улыбнулся.

Хлопнула дверь, вошла смуглая медсестра.

– Выйдите, пожалуйста! – Она обернулась, нахмурила густые, сросшиеся у переносицы брови.

– Семен Маркович... – прошептал Михаил. – Прошу вас, поверьте мне! Я не сумасшедший!

Палата как-то очень быстро наполнилась людьми в голубых халатах, кто-то склонился над беспомощным пациентом, звучали отрывистые и непонятные для обывателя слова. Высокий мужчина в скрывающей нижнюю часть лица маске взял Лифшица за локоть и вежливо, но решительно выпроводил за дверь.

– Будьте добры, подождите в холле! – сказал он по-русски с характерным твердым питерским выговором.

В коридоре к нему уже спешила Женя. Выдержав немой молящий взгляд девушки, тренер обнял ее за плечи.

– Ничего не могу пока сказать, Женя! Будем молиться за Мишу!

Он довез девушку до дома, Сайкин с женой и трехлетним сыном жили в Батяме, по соседству с четой Лифшиц.

– Ваш муж меня просил найти какую-то закладку в его смартфоне, – сказал он извиняющимся тоном. Бедной женщине и так было несладко!

Женщина понимающе кивнула, достала из сумочки плоский гаджет, довольно быстро обнаружила искомое.

– Здесь всего две закладки, одной больше трех месяце. – Она почему-то виновато улыбнулась. – Миша купил этот смарт недавно...

– Вы можете отправить их мне по Ватсапу?

Женя поколдовала над смартфоном.

– Отправила.

– Спасибо! – Лифшиц услышал характерный звук на своем смарте, немного помедлил и неожиданно сказал: – Я думаю, лучше вам пока не заходить на сайт этой игры.

– Мне сейчас не до игр!.. – вздохнула женщина. Присутствие тренера немного взбодрило ее.

– Вот и славно! Я вам позвоню!

Вернувшись домой, он переписал с диктофона все, что рассказал Михаил, в толстую тетрадь, затем включил компьютер, набрал в поисковике имя Рима Марк, не отвечая на удивленные расспросы жены, громко присвистнул. Помедлив, нажал на синюю строчку в Ватсапе, пару минут ждал, пока загрузится красочная заставка. Обычно супруги смотрели канал Российского телевидения, но в этот вечер Лифшиц, повинувшись все тому же инстинкту, переключил программу. Шла криминальная хроника. К вечеру количество самоубийц выросло до двадцати шести человек. Все без исключения были из семей обеспеченных израильтян. Врачи, юристы, инженеры...

– Что творится, Сема! – скорбно поджала губы супруга тренера.

Новый репортаж транслировался из пригорода Тель-Авива. Камера наехала на стоящий торцом к мусорному ящику автомобиль «ниссан-микро». В кадр попал серийный номер авто-

мобили. Машину опоясывала желтая ленточка. Репортаж завершался, ведущий говорил слишком быстро, чтобы Лифшиц с женой понимали суть его речи, но красноречивей слов были черные пятна крови, растекшиеся по салону автомобиля.

Жена сморщила нос:

– Сема, выключи эту гадость!

Семен Маркович послушно переключил на российский канал – лицо супруги посветлело: там транслировали старый советский фильм Марка Захарова. Бесподобный Андрей Миронов пел задумчивым голосом: «А ба-боч-ка крылышками бяк-бяк-бяк-бя-як!»

– А за ней воробушек прыг-прыг-прыг-прыг! – пропел Лифшиц, чем вызвал радостный смех жены.

– Сема, я тебе говорила, что тот самый медведь таки прошелся по твоему уху!

Лифшиц обнял жену, заглянул в лицо, все микроскопические детали которого изучил за тридцать лет совместной жизни, улыбнулся своей фирменной улыбкой, делавшей его так похожим на французского киноактера.

– Соня, я тебе говорил, что у меня в Ленинграде куча старых друзей?

5

Апрельское солнце жарило, как в середине лета. Таяли ноздреватые кучки снега, жизнерадостно журчали талые ручьи.

Сергей решил поехать домой на электричке.

– Вспомню молодость! – улыбнулся он.

Виталик озабоченно посмотрел на друга.

– Ты уверен, Авдей?

– А ты собирался меня здесь до старости держать?

– Будешь на глазах, так спокойнее!

Мужчины рассмеялись, вспомнив цитату из старого фильма.

– Все будет хорошо, Сом! – Сергей крепко сжал руку товарища. – В очередной раз убедился: соленый огурец свежим стать не может. Если ты алкоголик, то это уже навсегда.

– Что будешь делать в городе?

Авдеев повернул лицо к солнцу, прищурился.

– Пробегу кросс, потренируюсь... Опять же в хате прибраться не помешает.

– А потом?

– Придумаю что-нибудь, – усмехнулся он. – На собрание анонимных алкоголиков схожу. Давно там не был.

Они обнялись, Сомов незаметно сунул скрученные жгутом купюры в карман куртки друга.

– Позвони, как приедешь!

Сергей кивнул.

– Батюшке привет передавай!

Он направился по лесной тропе, ведущей к железнодорожной станции. За время запоя вынужденно скинул несколько килограммов, привычное к регулярным тренировкам тело жадно требовало движения. Жанна считала его болезненное пристрастие к спорту проявлением невроза, он посмеивался над подругой, привыкшей все подвергать самоанализу.

На следующий день после банного детокса они провели с Сомовым небольшой спарринг. Мышцы привычно откликались на нагрузку, друзья хорошо знали манеру боя друг друга, Виталик владел четким лоу-киком, как называется удар ногой по бедру противника, сильной стойкой Авдеева был бокс. Мужчины гарцевали по импровизированному рингу на поляне перед

домом. Сергей на собственной шкуре ощутил всю тяготу недельного запоя. К концу второго раунда его дыхание стало прерывистым, пот заливал глаза, сердце звонко стучало в висках.

– Могло быть и хуже! – сухо прокомментировал Сомов, вlepив свой фирменный лоу в бедро товарища.

Лес укрыл человека в своих объятиях, мохнатые лапы елей сладко пахли смолой, залиристо пели птицы. Тропинку перебежала белочка, взлетела по стволу сосны, цепляясь острыми коготками за древесную кору, сверкали, как бусинки, черные глаза зверька. Путь преграждал широкий ручей, безмятежно журчала темная вода. Сергей опустился на четвереньки, зачерпнул ладонью, поднес к губам, от холода заломило зубы.

– Все это и есть Божье чудо! – говорил отец Арсений, обведя рукой притихшие сосны. – Мы ищем Бога в деньгах, в суете, в схватках за место под солнцем, а оно совсем рядом. Протяни руку... Другого мира у нас не будет. Так давайте начнем ценить его, благословлять, а не проклинать, убивая себя водкой, злобой и завистью.

«Другого мира не будет». Круто сказано!

Он двинулся дальше, немного прихрамывая при ходьбе, – стервец Виталик вложил в удар на совесть! Он тоже не промах, дважды пробил тому печень! Сергей невольно улыбнулся. «Пока нас кто-то любит, наша жизнь нам не принадлежит!» – сказал отец Арсений.

Тропа повернула, деревья расступились, впереди показалась платформа. Сергей купил у улыбчивой, осыпанной солнечными веснушками девушки-кассиры билет до Петербурга.

– Счастливого пути! – На девичьих скулах играли ямочки.

– Спасибо!

Пятнадцать часов тридцать минут, привычно отметил Авдеев. До прихода электрички оставалось четырнадцать минут. Он сел на скамейку, подставил лицо солнечным лучам. «Ты способен позабыть Жанну, солдат?» – задал он себе мысленный вопрос, как делал иногда, пытаясь избавиться от навязчивых мыслей, превращающих сознание в беспокойное общение, населенное сварливыми соседями. «Нет. Но ты можешь продолжать жить с этим дальше...»

Чей-то крик вывел его из сонной задумчивости. Кричала женщина. Платформа была пустынна, дачный сезон еще не наступил, поодаль наблюдалась какая-то возня.

– Прошу вас! Прошу вас, не надо!

Сергей моментально оказался на ногах. Раздался звонкий хлопок, который бывает, когда бьют ладонью по щеке, и вслед за ним пронесся поток сочного мата. Ругался мужчина. Двое старичков, стоящие в дальнем углу перрона, спешили скрыться в зале ожидания, расположенном при входе на платформу. Высокий молодой мужчина с румяными щеками преувеличенно внимательно изучал меню своего смартфона, остальные граждане расходились с тем характерным выражением лиц, которое возникает у людей, стыдящихся своего поступка, но в глубине души убежденных, что окружающие этого не замечают. Сергей направился в ту сторону перрона, где происходила какая-то возня. Мужчина со смартфоном кинул в его сторону осторожный взгляд и вновь углубился в изучение мелькающих картинок. Его уши горели рубиновым светом. Пожилой мужчина катил тележку на колесиках с привязанной к ней полосатой сумкой.

– От этих наркоманов совсем житья не стало! – Он виновато улыбнулся.

Во фразе, обращенной частично к Авдееву, а частично в пустоту, сквозило отчаяние. Мужчину крепко держала под руку седая женщина с интеллигентным лицом. Набежала тучка, угловатые тени скользили по асфальту. Возле ограждения скопилось несколько человек. Коротко стриженный парень с синей татуировкой на шее деловито рыскал в женской сумочке. Он вывернул наизнанку содержимое, со стуком выпала расческа, покатилося по асфальту круглое зеркальце, на его поверхности отразился кусочек синего неба и решетчатого ограждения перрона. Его приятель, высокий, хорошо сложенный, с симпатичным лицом и задумчивыми карими глазами, держал за локти женщину. Поодаль стоял еще один постарше, худой и лысый.

Похоже, только что освободившийся из мест лишения свободы уголовник. Урка. Он не вмешивался в творящееся на пустынном перроне действие, но Сергей молниеносно угадал в нем вожака. Симпатичное лицо женщины исказила гримаса страха и удивления. Грабеж совершался среди ясного весеннего дня на глазах у полутора десятков свидетелей.

– Прошу вас... – повторяла женщина, как мантру.

Стриженный с презрительной ухмылкой сжал в пальцах мятые купюры.

– Полторы штуки!

– Отстой! – мрачно улыбаясь, прокомментировал кареглазый красавчик. – Отработаешь на коленях, мать!

– Старовата! – Стриженный брезгливо поморщился, деловито ощупал грудь женщины.

– Под кайфом потянет!

Они поволокли вырывающуюся женщину к спуску с перрона, худой двинулся за ними, продолжая держаться поодаль.

– Стоять! – скомандовал Сергей.

Он занял удобную дистанцию, держа в поле зрения урку. Боковым зрением он увидел рыжую девушку, стоящую на перроне метрах в пятидесяти. Она нервно разговаривала с кем-то по телефону. Краснолицый парень спрятал смартфон в карман и отвернулся.

– Вали по-хорошему, отец! – все с той же обворожительной улыбкой сказал красавчик. Он был на десять сантиметров выше Авдеева и сложен, как атлет.

Женщина дернулась, ища кого-то глазами на пустынном перроне, и тотчас получила сильный удар в солнечное сплетение. Она охнула, согнулась, держась крестообразно сложенными ладонями за живот, и без того бледное лицо посинело.

– Не калечь ее, Леха! – засмеялся красавчик.

Сергей хладнокровно оценил ситуацию. Культуриста надо вырубить первым; здоровый, как слон. Скорее всего, драться не умеет, но силенок выше крыши. Стриженный чем-то занимался, удар в «солнышко» был проведен коротко и точно, из неудобного положения с включением бедра. Еще, конечно, урка, он был старше остальных, явно сидевший. Сергей шагнул в сторону, загрузив опорную ногу; челюсть красавчика, с ямочкой на подбородке, так и манила провести апперкот. Правый кулак Сергея вылетел, костяшки соприкоснулись со «стеклянной точкой», парень издал чмокающий звук; вероятно, в момент попадания он улыбался. Он взмахнул руками, на симпатичном лице появилось изумленное выражение, глаза покрылись туманной дымкой. Лязгнула челюсть, на асфальт упало что-то мягкое и красное, хлынула кровь.

Язык, догадался Сергей. Отхватил кончик языка. Редко, но такое случается.

Красавчик опустился на колени, словно намереваясь помолиться, и упал на бедро.

– Ах ты... – Стриженный грязно выругался, отпустил женщину, которая продолжала задыхаться, беспомощно хватая воздух открытым ртом.

Как это случается в драке с участием профессионала, все происходило очень быстро. Сергей отметил движение урки за своей спиной. Ствол или нож, понял он. Стриженный встал в стойку, выбросил удар ногой, целясь в голову соперника. В карате такой прием называется маваси гири; удар голенью, идущий по касательной. Получилось совсем неплохо, отметил Сергей. От маваси он уклонился, вошел в среднюю дистанцию, от толчка коленом в корпус парень пошатнулся, но устоял. Как там было у Гоголя? Эх, старость, старость, – и заплакал старый дебелий казак! Но не старость была причиной, солдат, а твой недельный запой! От стриженного исходил какой-то тошнотворный запах с примесью ацетона и чего-то кислого. Так пахнет протухший мясной суп.

Сергей задыхался. Сердце клокотало, как разбуженный вулкан. Схватка разворачивалась в тишине, на фоне беззаботно щебетания птиц. Пора включать в дело грязные приемы, понял Авдеев, парень явно под «спадами»: так назывались на жаргоне психотропные препараты, делающие человека нечувствительным к боли. Он схватил противника за торчащее ухо,

резко потянул в сторону и, не обращая внимания на яростный крик, коротко ударил сложенными пальцами в выпирающий кадык. Тот схватился за горло. Сергей отступил и, вложив в прямой правой все силы, врезал точно в подбородок.

– Э-э-эх! – протяжно застонал наркоман, пошатнулся, но устоял на ногах.

– Чем же вы долбитесь, суки?! – задыхаясь, пробормотал Авдеев и нанес свинг в скулу противнику – удар, идущий по широкой траектории.

Сработало. Стриженный упал лицом вперед, от удара об асфальт звучно хрустнул сломанный нос.

– У него пистолет! – услышал Сергей громкий голос.

Краснолицый продолжал стоять поодаль, наблюдая за дракой, как зритель в уютном зале кинотеатра. Женщина поднялась на ноги, держась рукой за железный прут ограждения. Она по-прежнему тяжело дышала, воздух со свистом вырвался из легких. Урка сжимал в руке оружие, волчий взгляд впился в Авдеева. Пистолет типа «Макаров», молниеносно оценил Сергей. Дистанция – десять метров. Ты в лучшие времена не успел бы, солдат! Он устало шагнул вперед.

– Не валяй дурака, сынок! – проговорил он. – Здесь полно свидетелей, а девушка уже вызвала полицию.

– Стой на месте! – Урка поднял ствол на уровень лица. В пустых глазах, одурманенных наркотиком, застыла нечеловеческая жестокость психопата.

– Глупый поступок. – Сергей улыбался, двигаясь приставными шажками, не отрывая взгляда от безумных глаз наркомана. – Рощино – маленький поселок. Сюда ведут три дороги. Перекрестить их – плевое дело. Лесом тоже не уйти, по весне там воды по пояс.

Рука с зажатым в ней пистолетом маячила в полутора метрах. Благодаря передышке дыхание восстановилось. Следовало отвлечь внимание урки. Сергей обернулся в сторону вокзала.

– Вот и менты! – воскликнул он.

Урка машинально оглянулся, дуло «Макарова» уклонилось в сторону. Сергей рванулся вперед, его удар по запястью совпал со звуком выстрела. В насыщенном весенней моросью воздухе звук выстрела прозвучал хлестко, как удар плетью, пуля впилась в ствол сосны, стоящей за перроном. Авдеев резко вывернул кисть, хрустнули хрящи, урка громко закричал. Пистолет упал на перрон, Сергей поднажал, его захлестнула волна той самой багровой ярости, что возникала всякий раз во время схватки. Исчезло свойственное для современного жителя мегаполиса здравомыслие, звуки леса, голоса людей, шум проезжающих автомобилей; все куда-то пропало, захлебнувшись в клокочущей пене этой багровой ярости. С тугим стоном порвалось сухожилие на запястье, вопль боли оглушал, но Сергей ничего не замечал. Короткий удар коленом в голову заставил урку всхлипнуть, крик оборвался на верхней ноте. Все закончилось. Сергей подбежал к женщине, аккуратно прижал ладонь к ее ребрам, ощутив, как часто бьется в груди сердце.

– Сейчас пройдет... – сказал он. – Вдохните!

Она послушно втянула носом воздух, Авдеев надавил в точку под плавающим ребром, женщина тихонько вскрикнула и задыхалась часто и глубоко, бледные щеки сбрызнуло румянцем. Придя в себя, она суетливо осматривалась по сторонам, словно потеряла что-то очень важное. Авдеев опустил на четвереньки, собрал с асфальта выпавшие предметы из сумочки. Женщина приняла сумку рассеянно, будто что-то незначительное, ее глаза обшаривали перрон.

– Даша! – громко крикнула она. – Даша, где ты?!

– Здесь... – откуда-то снизу послышался слабый детский голосок.

– Даша!

Послышался гул надвигающейся электрички, на горизонте показалось красное пятно локомотива. Сергей соображал быстро, в его крови все еще кипел адреналин. Он спрыгнул на дорожные пути, нагнулся, увидел под перроном съежившуюся девочку в синих джинсах. Она сидела на корточках, испуганно сверкали черные глаза.

– Тебя зовут Даша? – дружелюбно спросил он.

– Да... А вас?

– Дядя Сережа! – Он протянул руку. – Хочешь научиться летать, Даша?

Девочка, пригибаясь, подбежала к мужчине, уцепилась за его руку. По рельсам шла волна вибрации.

– Полетели! – Сергей подхватил ребенка за талию, подбросил в воздух и бережно опустил, тут же подтянулся на руках и запрыгнул на перрон.

– Даша! – облегченно крикнула женщина, обняла бросившуюся к ней в объятия девочку.

Зашевелился красавчик. Мелькая проблесковыми маячками, к вокзалу подъехала полицейская машина, ей навстречу спешила рыжая девушка. Электричка поравнялась с перроном, распахнулись двери. Сергей оглянулся на краснолицего парня.

– Ты все видел?

– Да... – Молодой человек испуганно посмотрел на этого странного пожилого мужика, который только что расправился с тремя здоровыми парнями.

– Вот и расскажи все ментам!

Авдеев подмигнул ему и шагнул в тамбур. Женщина неуверенно топталась на месте, крепко держа за руку девочку. Ее взгляд скользнул по распростертым телам, губы дрогнули, когда она посмотрела на очухивающегося красавчика. По перрону шагали двое полицейских, за ними вприпрыжку бежала рыженькая кассирша. Интуитивное решение пришло молниеносно.

– Поедем с дядей, Даша? – Она наклонилась к девочке.

– Дядя Сережа! – улыбнулась Даша.

Сергей протянул руку, помогая женщине зайти в тамбур, закрылись двери, поезд разогнался, промелькнул частокोल ограждения, кончилась серая полоса перрона, справа пронеслись стройные стволы корабельных сосен. Они зашли в вагон, Даша тотчас запрыгнула с ногами на сиденье и прильнула к окну. Женщина села рядом, продолжая сжимать ее запястье, словно опасаясь, что та опять убежит.

– Ваша дочь? – спросил Сергей.

– Нет... Я работаю воспитателем в детском доме. – Она спохватилась и представилась: – Надежда Петровна!

– Рад знакомству! Я Сергей...

– Можно просто Надежда. – Она вдруг поняла, что краснеет. Заливается румянцем, как девочка. Перед ней был мужчина того типа, которого она всегда побаивалась. Жесткое выражение лица, сломанный нос, глубоко посаженные серые глаза, короткий серебристый ежик волос.

– У вас кровь на куртке, – сказала она. – И еще здесь, на губе...

Она достала бумажный платочек.

– Разрешите?

Она приложила платок к ране. Кровь быстро впиталась, на бумаге темнело бурое пятно.

– Я хотела вас поблагодарить, Сергей! – вырвалось у нее непроизвольное восклицание. – Вы... Спасли меня, спасли нас... – Она импульсивно прижала к себе девочку.

Он улыбнулся, ощущение опасности исчезло. Удивительно, как простая улыбка преобразила резкие черты лица мужчины.

– В одном старом советском фильме было сказано, – сказал он, – защищать и принимать решение – простая мужская обязанность. Вы же не будете хвалить женщину за то, что она умеет варить суп!

– Я не умею варить суп! – воскликнула Надежда, и они рассмеялись.

Мимо пролетали телеграфные столбы, зеленая лента лесного массива струилась вдоль окон, как ожившее полотно художника-импрессиониста. Ритмично, в унисон с ударами сердца, постукивали колеса поезда.

Они вышли на станции Площадь Ленина. Возникла неловкая пауза. Положение спас звонок Марии Цейтлиной. Пока Надежда разговаривала с подругой, Сергей щелкнул по носу Дашу, пробормотал что-то неразборчиво и зашагал по направлению к входу в метрополитен. Закончив беседу, Надежда увидела его широкую спину, обтянутую черной кожаной курткой, промелькнувшую вдалеке.

– Дядя Сережа ушел! – грустно сообщила Даша.

6

Большую часть стола покрывали бумажные листы. Маленькая художница склонилась над очередным рисунком, завершив тонировки, отбросила его в сторону. Детское личико исказила гримаса, словно девочка съела что-то кислое или горькое.

«Он видит вас...» В нижнем правом углу листа, где обычно художники ставят свою подпись, кривовато выплывали буквы.

Уборщица зашла в комнату, поставила в углу ведро с плещущейся темной водой.

– Шла бы ты погулять, Ангелина! – Женщина приветливо улыбнулась. – На улице прямо лето!

Девочка равнодушно посмотрела в ведро, там пузырились радужные разводы моющего средства.

– Не хочу...

Пожилая женщина глянула на рисунок, коротко перекрестилась, улыбка исчезла с ее лица.

– Страх господень! – воскликнула она. – Где же ты такого насмотрелась, Ангелина? Небось в Интернете ентом вашим...

Она в сердцах громынула ведром, окунула тряпку, намотала ее на швабру.

– Раньше все жили без Интернета ентогo, и люди лучше были! Добрее! А сейчас все как с ума сошли, прости господи!

Мокрая тряпка со стекающей мыльной водой шумно шлепнулась на пол. Девочка незаметно выскользнула в коридор, рисунки остались лежать на столе. Уборщица мыла пол, стараясь не оглядываться на них, но любопытство пересиливало страх. Проходя мимо, она косо посматривала на испещренные изображениями листы бумаги, будто такой хитрый способ позволял простой деревенской женщине избежать бесовского влияния, которое, по ее мнению, наверняка излучали изображения. Большая часть рисунков была посвящена теме самоубийств. Фигурка человека висела в петле, лицо исказила гримаса страдания, на другом листе молодая девушка лежала в ванной, наполненной розовой водой, с ее порезанных запястий стекала алая кровь. Два человека почти синхронно выпрыгивали из окон высотного здания. Один уже лежал на асфальте с раздробленным черепом и кусочками серого вещества, похожего на ломтики отварной цветной капусты в томатном соусе, другой человек только совершал свой смертоносный прыжок, его губы были растянuty в дьявольской усмешке. На каждом из рисунков была выведена надпись: «Он вас видит!» И какая-то заусеница, отдаленно напоминающая крестик с кривой линией. Уборщица с трудом удерживалась от соблазна выбросить художества в помойное ведро. Она закончила работу, но медлила, смутно чувствуя какую-то беду, сокрытую в разбросанных на столе рисунках. На ближнем к ней рисунке молодой человек делал себе инъекцию в вену. Девочка обладала талантом художницы!

Острие шприца впивалось в синюю вену, лицо наркомана исказила предсмертная гримаса восторга.

Женщина вторично перекрестилась и вышла в коридор, плотно притворив за собой дверь. Она немного стеснялась штатного психолога, улыбчивой черноволосой Марии Самойловны, ей казалось, что та знает о ней какую-то постыдную тайну, хотя никаких особенных секретов у пожилой женщины не было. А к воспитательнице Надежде Петровне она испытывала симпатию и доверие. При встрече надо будет обязательно рассказать ей о рисунках...

На улице бушевала весна. Солнце щедро орошало землю лучами, детский смех наполнял прозрачный воздух. Уборщица несла тяжелый мешок на помойку; мусорные баки стояли на заднем дворе, находящемся в заброшенной части парка. Ей не привыкать было таскать тяжести, детство и юность прошло в вологодской деревне, где физический труд считался естественной частью повседневного быта. Она подняла лицо к небу, ласковое солнышко приятно согревало кожу. Баки были полупустыми, машина вывозила мусор раз в неделю, по средам. Сегодня был понедельник. Женщина прислонила мешок, стоящий на поржавевших колесах бак отъехал в сторону, возле кирпичной стены лежало что-то белое и округлое. Почему-то часто заколотилось сердце, удивляться нечему: семьдесят годков – это вам не шутка! Где-то неподалеку завывала бродячая собака. Она шагнула вперед, наклонилась ближе и тихонько охнула, ноги стали ватными и словно чужими.

– Господи... – Она хотела перекреститься, но руки не слушались ее. – Господи!

Женщина пятилась, не в силах отвести взгляд от этого распростертого тела молодого мужчины, лежащего за мусорным баком. Конечно, она смотрела криминальные новости по телевизору. И конечно же, она много слышала о передозировке, как называлась смерть в среде наркоманов, спровоцированная параличом дыхательных путей и остановкой сердца. Конечно, она видела мертвых людей и раньше. Приступ безумного страха, охватившего ее, имел причину, объяснение которой разум был не в силах постичь. На асфальте, уткнувшись ступней в надорванный пакет из-под чипсов, лежал тот самый парень, чье изображение она только что видела на рисунке. Внутреннюю часть сгиба локтя покойника покрывали лиловые синяки, поодаль лежал прозрачный шприц, с медными крупцами крови на колбе. И тогда женщина закричала. Громко и протяжно, как обычно кричат в русских деревнях, а на фоне этого безумного, отчаянного вопля тоскливо завывала бродячая собака...

Мария Самойловна взялась за ручку двери, намереваясь зайти вовнутрь, когда услышала этот жуткий крик. Кричали рядом, на заднем дворе здания. Там разгружали продукты для детского дома. Она подавила первый порыв немедленно побежать во двор, и это было благо-разумное решение. Двадцать лет работы психотерапевтом научили ее различать человеческие эмоции по звукам голоса. Кричали не баловства ради. Она вбежала вовнутрь, кивнула охраннику, вставшему ей навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.